

Самуэль фон Пуфендорф

О происхождении и прогрессе науки естественного права¹

В публикации представлен перевод первой главы трактата немецкого юриста, философа и историка Самуэля фон Пуфендорфа (1632–1694) «Рассмотрение недавно вызванных им самим [т. е. Пуфендорфом] споров относительно естественного права» (1678). Он входит в корпус т. н. “Eris Scandica” («Скандинавского спора»), возникшего вокруг главного труда Пуфендорфа «О праве природы и народов» (1672). Первая глава «Рассмотрения...» под заглавием «О происхождении и прогрессе науки естественного права» известна как первый текст из ряда «историй моральности» – трактатов, описывающих развитие теории естественного права в XVII – первой пол. XVIII вв. Намеченная в «О происхождении и прогрессе» модель истории естественного права в то время фактически служила моделью построения истории всей европейской моральной философии в целом. Автор описывает и анализирует предпосылки и истоки новоевропей-

¹ Перевод выполнен по первому изданию: *Pufendorfus S. Specimen controversiarum circa jus naturale ipsi nuper motarum*. Osnabrugus: Johann Georgius Schwanderus, 1678. P. 1–16. Текст сверен с современным критическим изданием: *Specimen controversiarum... // Pufendorf S. Gesammelte Werke*. Bd. 5: *Eris Scandica und andere polemische Schriften über das Naturrecht*. B., 2002. S. 123–128. Здесь и далее все примечания принадлежат переводчику. Разбивка на абзацы, скобки и кавычки также отсутствуют в оригинальном латинском тексте, в то время как курсив (которым выделяются авторы и цитаты), выделение большими буквами и разбивка на параграфы принадлежат самому Пуфендорфу.

Стиль представляемого текста требует отдельного комментария. Трактатная мерность слога сочетается в нем с полемическим запалом, саркастичностью и иронией. При этом иногда в самых неожиданных местах появляются поэтические метафоры и риторические восклицания. Следует также прокомментировать использование в переводе слова «наука». Как правило, этим словом переводится латинское “disciplina” («дисциплина», «отрасль науки», «отдельная наука»), употребляющееся в названии переводимой главы. Однако при переводе это слово также используется для передачи латинских выражений “res literaria” («литература»), «книжность»), “studium” («изучение», «наука»), “ars” («ремесло», «искусство», «наука») и “scientia” («знание», «умение», «наука»). В этом, а также в других случаях невозможности совершенно точно передать смысл оригинала в круглых скобках приводится латинский термин. Кроме того, слова из оригинального текста даются в скобках при игре слов, а также при употреблении Пуфендорфом понятий, значимых для истории моральной философии. В квадратных скобках даны слова и выражения, опущенные (в силу довольно отрывистой манеры выражения автора) в оригинальном тексте, но подразумеваемые по контексту. Их добавление при переводе необходимо для точного и полного выражения мысли Пуфендорфа.

Я благодарен фонду “Rolf und Ursula Schneider Stiftung” за предоставленную стипендию, давшую мне возможность работать с первоисточниками в Библиотеке Герцога Августа (г. Вольфенбюттель, ФРГ). Я также благодарю мою жену Элеонору Лурье за исключительную помощь, оказанную мне в редактировании этого перевода.

ской «науки естественного права» в ветхо- и новозаветной традиции, римском праве и древнегреческой философии, а также труды о естественном праве XVII в., включая произведения Гуго Гроция, Джона Селдена, Томаса Гоббса и Ричарда Камберленда. Все эти книги и традиции рассматриваются в контексте задачи построения «полной и приспособленной для понимания всеми народами системы в области естественного права». Главными мотивами «О происхождении и прогрессе» являются убеждение в возможности достижения прогресса в теории естественного права, констатация необходимости отстраниться от религиозных и теологических разногласий при ее разработке, а также стремление к системности, методологической выверенности учения и разработанности морально-философских оснований теории естественного права. Данный текст переводится на русский язык впервые.

Ключевые слова: «наука естественного права», естественное право, естественный закон, история моральной философии, Гроций, Селден, Гоббс, Камберленд

§ 1. Естественное право – ровесник рода человеческого. Во все времена преимущественно оно управляло нравами (*mores*) и делами народов, и воплотить его в своих делах всякому благородному человеку всегда было по сердцу. Но только в нашем столетии естественному праву стали придавать форму основательной науки. Конечно, и до этого не было недостатка в тех, кто стремился достойными толкованиями прояснить писанные гражданские законы культурных народов, большая часть которых формировалась под влиянием естественного права. И также много было прекрасных моральных философов, усилиями которых была проведена работа по приведению человеческих нравов (*mores*) в соответствие с суждением здравого разума (*sanae rationis*)². Однако до Гуго Гроция не было никого, кто бы точно отделил естественные права от позитивных и приступил бы к расположению их в законченной структуре полной системы.

Конечно, в естественном праве едва ли есть раздел, который не был бы упомянут в законах евреев – и в силу их божественного происхождения, и в силу их чрезвычайно почтенной древности. Но как в самом кодексе [еврейских] законов, так и в толкованиях, которыми учителя этого народа старались прояснить его законы, позитивное рассматривается в смешении с естественным, хотя они вплотную приблизились к четкому разграничению [этих двух видов права]. Джон Селден, проясняя преимущественно другие части еврейского права, в безусловно честном и нисколько не завистливом соперничестве с Гроцием [также] предпринял [попытку определить естественное право]³.

² Пуфендорф часто использует в этом тексте выражение “*sana ratio*” («здравый разум», «здоровое разумение») в тех случаях, когда обычно используется термин “*recta ratio*” («верное суждение», «верное разумение», «правильное разумение»). Судя по всему, Пуфендорф предпочитает говорить о «здоровом», нежели о «правильном», поскольку критикует ссылки на «правильность» практического суждения за их тавтологичность. В утрированном виде это выражается так: правильно то, что согласуется с правильным разумением, а правильное разумение есть то, что диктует, что правильно. Кроме того, выражение «здравый разум» намекает на любимую Пуфендорфом аналогию между философией и медициной. Ср.: *Specimen controversiarum...* // *Pufendorf S. Gesammelte Werke*. Bd. 5: *Eris Scandica...* Ed. cit. S. 164:26–44; 165:14–17, 22.

³ Джон Селден (1584–1654) – английский юрист и историк права, оказавший значительное влияние на развитие теории естественного права.

Именно он собрал в отдельном томе⁴ все то, что, по мысли еврейского народа, относится к естественному и международному праву, в отличие от того права, которое действует среди граждан одного и того же государства. Однако мне представляется, что есть три основных обстоятельства, которые препятствуют тому, чтобы этот чрезвычайно ученый и несомненно стоящий труд мог бы исполнить функцию полной и приспособленной для понимания всеми народами системы в [области] естественного права.

Во-первых, в этой книге не найти достаточного объяснения того, что принадлежит к учению (*παδεία*) естественного права. Под этим мы понимаем как бы известные наперед вещи, которые необходимы для полного и отчетливого понимания предписаний естественного закона и оснований [этих предписаний], а также то, что является для этого права как бы собственным достоянием и не может быть взято взаймы из других дисциплин. К этой категории [необходимых оснований естественного права] относятся: учение о сущности морального (*de indole rerum moralium*) вообще; о принципах человеческих действий и их природе; об аффектах; о принципе моральности; о законах вообще; о состоянии, положении и природе человека в отношении моральных действий; о природе договоров и условиях, необходимых для их заключения; о происхождении и природе речи, происхождении и природе собственности; о способах приобретения [права собственности]; о стоимости вещей; о природе и разнообразии сделок; о происхождении и природе как первых сообществ людей, так и государств; о гражданской власти, ее частях и их взаимоотношениях – и прочее, если что-то осталось [неназванным]⁵.

Во-вторых, *Селден* не выводит естественный закон из такого принципа или гипотезы, чью очевидность признавали бы все народы или к признанию которой они могли бы побуждаться доказательствами, [проистекающими] из света разума. В самом деле, в основание [естественного закона] он кладет семь предписаний для потомков Ноя, авторитет которых у иудеев опирался на древнюю традицию – не мне добавлять к ней что-то или умалять ее⁶. А впрочем, мне кажется очень вероятным, что первые люди черпали предписания

⁴ Речь идет о книге Селдена «О естественном праве и праве народов согласно учению евреев» (*Seldenus J. De jure naturali et gentium juxta disciplinam Ebraeorum*. Londoni: Richardus Bichopius, 1640).

⁵ Эти «известные наперед вещи» (*praecognita*) Пуфендорф разъясняет в первой книге своего трактата «О праве природы и народов», которая имеет соответствующий подзаголовок («*Praecognita ejus juris*»). См.: *Pufendorf S. von. Gesammelte Werke*. Bd. 4: *De jure naturae et gentium* / Hrsg. von F. Böhling. B., 1998. S. 13–105.

⁶ Имеются в виду семь предписаний, сформулированные в талмудической традиции на основе сюжета о заключении договора (завета) между Ноем и Богом после всемирного потопа (Быт. 9:1–17): «нееврей, которого традиция иудаизма считает участником завета, заключенного Богом с Ноем (Быт. 9:9), обязан выполнять лишь семь законов Ноевых сынов: запреты идолопоклонства, богохульства, кровопролития, воровства, некоторых видов кровосмесительной связи... и употребления в пищу мяса, отрезанного от живого животного, а также повеление основывать жизнь на законодательных началах (Санх. 56а; Тосеф., Ав. Зар. 8:4). Последнее обычно понимается как установление законов, оформляющих шесть предыдущих запретов, или же как учреждение судов в странах и городах неевреев. Талмуд и Мидраш толкуют законы Ноевых сынов как проистекающие из Божественных заповедей Адаму и Ною, то есть прародителям всего человечества, что делает законы Ноевых сынов универсальными (Санх. 59б; Быт. Р. 34:8,12)» (Краткая еврейская энциклопедия: в 11 т. Т. 6. Иерусалим, 1992. Кол. 760–761).

естественного права скорее из какого-то особого божественного наставления (*informatione*), нежели из собственного рассуждения. Действительно, было бы очень трудно путем приведения разнообразных доводов внушить всем народам авторитет этой [иудейской] традиции и число этих основополагающих предписаний. – [Трудно] особенно потому, что *Селден* не побеспокоился доказать необходимую связь этих предписаний с человеческой природой или доказать, что этих предписаний достаточно для управления всеми моральными действиями людей.

И наконец, [в-третьих], *Селден* занимается только тем, что излагает мнение еврейских учителей, но почти не рассматривает вопрос о том, насколько точно их мнение согласуется со здравым разумом (*cum sano ratione*). В то время как [сделать] это было необходимо, если только этот труд должен был выполнить функцию полной системы [естественного права]. К тому же иудейский народ без сомнения считал себя выдающимся, а другие народы – незначительными, меж тем как, намереваясь адаптировать естественное право к пониманию (*ad gustum*) всем родом человеческим, необходимо все же полагать всех людей равными относительно использования (*circa fruitionem*) естественного права.

§ 2. Выраженные яснейшим образом предписания естественного закона можно найти во многих книгах Нового Завета, и обращены они не только к определенному народу. – Ведь [эти предписания] достигают всех, кто выполняет правильное действие⁷. А для того, чтобы всех их можно было привести к единому основанию, словно к некому фундаментальному закону, из которого очевидным образом выводились бы прочие [законы], сам Спаситель установил в качестве такового любовь (*dilectio*), которая глубоко проникновенно (*amicissime*) согласуется с нашей общительностью (*societate*)⁸.

В свою очередь, толкователи священных книг [Нового Завета] пытались всеми способами прояснить эти предписания. Их комментарии настолько всеобъемлющи, что, кажется, нет такого предписания, которого недоставало бы в христианской теологии, чтобы осуществлять управление действиями человека и его нравственной жизнью (*mores*). Но от этого христианская наука не меньше нуждалась в отдельной дисциплине естественного права. – Так как не весь род человеческий был согласен принять христианскую религию, имея при этом насущную потребность в общем законе. Ведь та часть христианской религии, которая трактует об управлении нравственной жизнью людей (*moribus*), довольствуется тем, что ее основные положения подтверждены властью и повелением БОГА, который ниспослал Сына как Спасителя мира. И потому [христиане] мало заботятся о том, чтобы искать иные основания для тех же самых [положений]; поэтому аргументированные [властью и повелением БОГА] предписания естественного закона удостоверяют свою святость только для тех, кто признает божественный авторитет христианской религии. Однако немалая часть рода человеческого этот [авторитет] не знает или отвергает. При этом

⁷ Ср. Рим. 2:14: «...ибо когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают, то, не имея закона, они сами себе закон».

⁸ Пуфендорф имеет в виду, что христианская заповедь любви в высшей степени гармонично сочетается с естественной «общительностью» человека. Греч. *κοινωνία*, лат. *societas* (общность, общительность, социальность; *sociality, sociability*) – фундаментальное понятие европейской моральной философии, указывающее на принципиальное свойство человеческой природы стремиться к общению и взаимодействию с себе подобными, с людьми.

народы, принадлежащие к этой [части рода человеческого], ведут дела и между собой, и с христианами – и дела эти должны быть непременно приведены в соответствие с естественным законом. Таким образом, совершенно очевидно, что право, с которым будут соразмеряться действия всех тех, кто имеет столь разные мнения о религии, должно быть выведено из другого принципа, равно признаваемого среди всех и приспособленного для понимания всеми.

Кроме того, религия – постольку поскольку проистекает из своего [изначального] принципа и с ним соотнобразуется – по природе своей выстроена исходя из более возвышенной цели и ценности (*usum*), чем та, которая существует в пределах этой жизни. Поэтому не только христианская религия, но и большая часть других устанавливают своим последователям награды после этой жизни, а злостным нарушителям [ее предписаний] кары. Так что не только истинная религия, но и ложные принижают действенность (*efficaciam*) всякой отличной от них религии в отношении получения награды после этой жизни. Но все они сходятся в том, что поступки и нравственная жизнь (*mores*), хорошо согласованные с естественным законом, очевидно, способствуют достижению благоразумности (*decus*), безмятежности и успеха в этой жизни. Следовательно, тому, кто хочет подготовить науку естественного права для понимания всем родом человеческим, необходимо как бы отложить в сторону эту более высокую цель и ценность (*usus*) лучшей жизни⁹, оставить [этот вопрос] теологам и обратиться только к той ценности (*usum*), по поводу которой все согласны и которую можно, во всяком случае, воспринять суждением чувств¹⁰. И это тем более верно, поскольку при решении теологических споров их участники отличаются таким упорством, что если какая-либо наука в [эти споры оказывается] вовлечена, то не у берега [ее] корабль пристает, но влечется к превратностям отмерей и не может дальше держать свой путь.

Таким образом, ни в самих книгах Нового Завета, ни в толкованиях [на них] не обнаруживается того, что, как мы сказали выше, принадлежит к учению естественного права – ведь это без сомнения выходит за рамки цели этих сочинений. Тем не менее, очевидно, что очень много ободрения и поддержки для нашей науки исходит не только от Священного Писания, но и от толкований на него, благодаря которым первейшие и подлинные догматы христианской религии находят необыкновенный отклик в сердце. Однако [этой сердечности христианской религии противятся] те учителя, которые клянутся в верности епископу Рима. Их забота – обращать все на пользу власти и выгоде священников и наводить густой туман на естественный закон и всеобщую доктрину о нравственной жизни (*de moribus*). Огромной массой своих необъятных томов они дают отдельным священникам возможность настаивать совесть людей, как им хочется, – в то время как всех остальных, в отсутствие способности [самостоятельно] судить о своих действиях, гнетет неодолимость слепого послушания¹¹.

§ 3. Насколько нам известно, ни один из народов древности не приложил больше усилий к прояснению своих законов, чем римляне, которым наука права обязана больше всего. И достойно восхищения то, насколько возвысились

⁹ Речь идет о «жизни вечной». Ср. Рим. 6.

¹⁰ То есть при помощи чувственного восприятия.

¹¹ Пуфендорф имеет в виду католических священников вообще и Орден иезуитов в частности. Иезуиты славились искусством аргументации в вопросах добра и зла.

римские гении, когда начали ревностно заниматься определенного рода науками (*studiorum*). Ведь они оказались настолько сильны в красноречии, поэзии и истории, что известны [теперь] каждому образованному человеку. Позже на протяжении почти двух столетий лучшие умы Рима направляли свои усилия на развитие юриспруденции, поскольку при цезарях наличие юридических познаний являлось значительным преимуществом при получении придворных и провинциальных должностей.

Наша эпоха могла бы извлечь несравнимо большую пользу из их сочинений, если бы эти книги дошли до нас в целости. Однако Юстиниан, выстроив для науки (*rei literariae*) весьма ненадежную крепость, передал нам вместо целых работ [лишь] некие фрагменты и отрывки¹². За последние столетия они породили массу комментариев. – Хотя более чем достаточно было бы изучить чрезвычайно эрудированные и очень тщательно проработанные сочинения древних правоведов вместо того, чтобы обращаться к океану пустых комментариев. (Никто из новейших писателей, при всей их графомании, не сравнялся [с древними правоведами] и не превзошел их.) И сохранились письменные памятники древних в целости, они дали бы новейшим [авторам] весьма скудный материал для [комментаторской] работы, как бы светясь [изнутри] своим собственным светом.

Но все же следует отметить, что сколько бы ни сохранилось до нашего времени от римской юриспруденции, она пролила много света на естественное право – не только потому, что, как видно, постоянно заботилась о согласовании всего с верным суждением (*rectam rationem*) и справедливостью (*aequitatem*), но также и потому, что многое относящееся к учению естественного права было хорошо разработано римскими правоведами. Как бы то ни было, мы возносим хвалу римскому праву.

Надо сказать, что потребность в отдельной дисциплине естественного права тем не менее оставалась насущной до нашего времени – насколько существовала потребность довести моральную доктрину до [подобающего] ей совершенства. Ведь не все, что относится к учению естественного права, мы находим так точно определенным в римском правоведении, как это следовало бы сделать. К тому же естественное там смешано: и с позитивным, и с тем, что проистекает из специфического духа (*indole*) Римской республики. Поэтому четко выделить [естественное] мог бы только тот, кто черпал бы [критерий их разделения] из другой [дисциплины], в которой это естественное, будучи различным [и исследованным], отличается от позитивного¹³.

¹² Пуфендорф говорит о своде римского права, составленном в 529–534 гг. н. э. при императоре Восточной Римской империи Юстиниане I. Его частью были т. н. дигесты (*digesta*), представляющие собой сборник извлечений из сочинений великих римских юристов по всем вопросам права. И хотя, возможно, наиболее важные положения великих юристов были сохранены в этом сборнике, очень немногие их сочинения дошли до нашего времени.

¹³ Ср. также аналогичный пассаж из авторского предисловия ко второму изданию «О праве природы и народов» (1684): «...всякому понятно, что в книгах по римскому праву есть много [важного] для дисциплины естественного права и права народов (права, налагающего обязанности на всех людей и все народы). Однако эти [важные для дисциплины естественного права вещи] в римском правоведении] рассеяны и сильно смешаны с [элементами] позитивного [права] и [права], приспособленного к своеобразным основаниям (*rationes*) римского государства. Если эти [конститутивные элементы права] не будут правильно отделены друг от друга, следующее из этого понятие о праве не может не быть запутанным, ненадежным и полным бессодержательных разногласий» (*Prefatio alteri editioni praemissa*. 18-21 // *Pufendorf S. von*. *Gesammelte Werke*. Bd. 4: *De jure naturae et gentium*. Ed. cit. S. 11).

§ 4. Письменные памятники древних философов содержат немало мыслей (*sententias*), направленных на прояснение права природы. Но все же их намного меньше, чем следовало бы ожидать от тех, чьим главным делом должно было быть формирование нравов (*mores*) людей в соответствии с естественным законом. Этот дефицит не был компенсирован и теми, кто занимался изучением философии в недавние столетия. Очевидно, что среди различных философских учений именно взгляды стоиков легче всего могли бы быть сведены в цельную систему естественного права (при условии небольших улучшений). Но, несмотря на это, в школах главенствующее положение занимает учение Аристотеля. Не знаю, какой судьбой, но на многие столетия восхищение этим мужем как бы оглушило схоластическую братию до такой степени, что они поверили, будто ничего совершенней [трудов Аристотеля] не может сотворить человеческий гений, и считали, что высочайшая вершина учености – быть способным толковать его сочинения.

Конечно, никто из сведущих в философии не стал бы отрицать, что Аристотель должен быть упомянут в числе всех тех гениев, которые когда-либо становились известны [человечеству]. Но говорить, что другие не могут продвинуться дальше, чем он, – значило бы несправедливо возводить хулу и на Создателя, и на все те века, [которые отделяют нас от Аристотеля]. В самом деле, его этика (чтобы не говорить о других частях его философии), если взять ее в отдельности, кажется, едва ли содержит что-то иное, чем [описание] обязанностей (*officia*) гражданина того или иного греческого [полиса]. Также очевидно, что и в политике он прежде всего имел перед глазами учреждения своих греческих городов-государств (*civitatum*) и преимущественно оценивал степень их [политической] свободы – что является серьезным изъяном для науки, которая должна быть приспособлена к использованию всем родом человеческим. (То, что я надеялся описать в отдельном сочинении, если бы меня не отвлекла неожиданная наглость клеветников и не остудила бы в немалой степени мое рвение. К чему мне утруждать себя писательством, когда мне не осталось никакой другой награды за труд, кроме как отгонять разбойников от моей славы.)

§ 5. Дабы наука (*res literaria*) не испытывала более потребности в благороднейшей дисциплине естественного права, ты первый воздвигнул [ей основание]¹⁴, о муж несравненный *Гуго Гроций*, – не правда ли, в Галлии у тебя было много времени для досуга и ученых занятий (*literis*), заниматься которыми на родине ты столь беспрестанно стремился¹⁵? И побуждал тебя к ним главным образом *Николай Пейреск*¹⁶ – тот славнейший покровитель ученых (*literatorum*) и «побудитель к трудам».

¹⁴ Речь идет о трактате «О праве войны и мира» – *Grotius H. De jure belli ac pacis libri tres, in quibus jus naturae et gentium: item juris publici praecipua explicantur*. Parisiis: Nicolaus Buon, 1625. Русский перевод – *Гроций Г. О праве войны и мира* / Пер. с лат. А.Л. Саккетти. М., 1994.

¹⁵ Гуго Гроций жил и работал на родине, в Голландии, до 1621 г., когда ему удалось бежать из заточения, куда он попал вследствие поражения своей партии в Арминианском споре. Гроций бежал во Францию, где и написал в 1625 г. свой *magnum opus*. С шестнадцатилетнего возраста он вел очень интенсивную политическую жизнь, оставлявшую ему не слишком много времени для ученых занятий. Тем не менее в Голландии он написал ряд выдающихся поэтических, исторических, юридических и теологических произведений.

¹⁶ Никола-Клод Фабри, сеньор де Пейреск (1580–1637) – французский ученый, юрист и организатор науки. Благодаря своему высокому положению в обществе он был покровителем многих выдающихся ученых и философов, в частности Гуго Гроция и Пьера Гассенди. Также известен своей обширной перепиской с различными европейскими мыслителями.

Однако мне думается, что на мысль о создании такого рода произведения *Гроция* навело учение мудрейшего *Бэкона* (некогда канцлера Англии) о приумножении наук. Ведь считается, что преимущественно в наш век этот муж прославился как классик и это он поднял на знамя то, что в философских вопросах что-либо может быть исследовано глубже и основательней того, что до сих пор звучало в стенах школ. Поэтому, если благодаря расцвету философии есть в наше время что-то прекрасное, оно в немалой степени обязано [своим возникновением] этому мужу.

В свою очередь *Гроций* – счастливо наделенный удивительным талантом и проницательностью, не меньшим знанием Священного Писания, гражданского права, а также самыми разнообразными познаниями и бесконечной начитанностью – приступив к этой работе, [встал на путь], не проторенный никем из его предшественников. Но словно сомневаясь, что сможет исчерпать универсальное учение (*disciplinam*) с первой попытки, он составил название своего труда таким образом, чтобы ему нельзя было сразу же вменить в вину несовершенство [его произведения]¹⁷. Впрочем, излишне напоминать, какими рукоплесканиями была встречена эта работа ценителями подлинной учености. И сколько бы проработанности и выверенности науке естественного права ни добавили другие [авторы], они не смогут затмить [сделанного] *Гроцием*. Однако он сам завещал своим талантливым и усердным последователям не пренебрегать сбором колосьев, оставшихся после его жатвы¹⁸.

Но даже столь блистательный труд «претерпел Маны свои»¹⁹. Ведь он был сразу довольно сурово встречен людьми канона²⁰. Произошло это потому, что *Гроций*, как видно, не обозначил достаточно строго свою принадлежность к какому-либо христианскому учению, хотя ближе всего он к тем, кого называют Арминянами. К тому же, будучи человеком острого ума, он считал, что [людям] не следует из-за различия мнений немедленно разделяться на [противоборствующие] партии.

Но его труд был включен людьми Понтифика в число запрещенных книг²¹ не столько из-за того, что содержит что-то противное их собственным взглядам относительно религии, сколько потому, что целостная моральная философия противостоит самим основаниям (*rationes*) царства тьмы²². Ведь вообще было бы просто заниматься [например] медициной, отложив в сто-

¹⁷ Полное название этого произведения: «Три книги о праве войны и мира, в которых объясняются право природы и право народов, а также принципы публичного права». Надо полагать, Пуфендорф имеет в виду, что это название не исключает необходимости дальнейшего объяснения и толкования этих отраслей права.

¹⁸ То есть прояснить те детали учения, которые были оставлены без внимания им самим. На самом деле *Гроций* выразился куда более радикально и самокритично: «Всех тех, в чьи руки попадет мой труд, я прошу и заклинаю судить обо мне с той же свободой, с которой я судил о мнениях и писаниях других авторов. Готовность убедить меня в ошибках будет предупреждена моей готовностью следовать указаниям тех, кто их найдет» (*Гроций Г. О праве войны и мира*. Указ. изд. С. 60).

¹⁹ *Вергилий*. Энеида. Книга 6, 743 // *Вергилий*. Энеида / Пер. В. Брюсова и С. Соловьева. М.; Л., 1933. С. 177. Т. е. и он имеет грехи, за которые терпит свои «адские муки».

²⁰ Т. е. католиками.

²¹ Трактат *Гроция* вместе со сборником его поэтических произведений был внесен в новую редакцию «Индекса запрещенных книг» в 1627 г. См. *Novus Index librorum prohibitorum... Romae 4. Febr. 1627 auctus. Colonia Agrippina (Cologne): Antonius Boetzerus, 1627. P. 39.*

²² Метафора «царства тьмы», по-видимому, восходит к Новому Завету (Кол. 1:13).

рону теологические материи²³. – Как это сделано нашими людьми²⁴, которые прилагали все усилия, чтобы клеймить заблуждения, но тем не умалили должного уважения к истине.

[Далее], в работе, где мысли сплетены столь плотно, не может не быть много такого, что кажется или сомнительным, или неясным. Поэтому некоторые решили подготовить комментарии [на это произведение], чтобы подкрепить, прояснить и тем улучшить эти места (которые показывают, что и автор – человек)²⁵. Среди этих [комментаторов] выделяется Беклер, который представил свое рассуждение и учебную дисциплину, достойную Гроциева труда²⁶. Но есть также и другие, ценностью работы которых не должно пренебрегать²⁷. Однако нашлись и юнцы – или слегка вкусившие наук, или вскормленные не на чем ином, как на вздоре софистов – которые решились протолкнуть свои выдумки (commenta) [о естественном праве] на публику. За ними, по-видимому, собираются последовать многие другие, которые считают, что и у них есть равное право не беречь бумагу.

Так что в самом деле следует опасаться, как бы с течением времени не появилось столько комментариев на *Гроция*, сколько на *Петра Ломбардского* или на «*Установления права*». Масса комментариев не столько добавляет ясности [мысли] *Гроция*, сколько замедляет [развитие] науки естественного права, восстанавливая комментаторов друг против друга и провоцируя споры не столько об истине, сколько о смысле сказанного *Гроцием*, – пока, наконец, не появляются новые авторы, комментирующие этих комментаторов.

§ 6. После *Гроция* к [развитию] естественного права приложил усилия *Томас Гоббс* – муж в высшей степени гениальный. Он был воспитан на математических исследованиях²⁸ и постарался приспособить точность математического доказательства к использованию в моральном учении, хотя не повсеместно и не для украшения (как это делают схоласты). С этой целью он положил в основу своей доктрины точно сформулированную гипотезу, к которой в конечном итоге апеллируют (resolverentur) доказательства его [учения]. Надо полагать, [эта] древняя гипотеза *эпикурейцев* прилась ему по вкусу или в силу согласия

²³ Пуфендорф использует здесь популярную аналогию философии с медициной. Ср. также следующий пассаж из “De jure naturae et gentium”: «Ведь одни науки мы можем назвать полезными, иные – изящными и исследовательскими, а третьи – бессмысленными. Полезные науки можно свести к трем классам: к моральной доктрине, медицине и математическим наукам (mathesis). В самом деле, истинная и целостная теология имеет подлинную ценность, только будучи отнесена к первому классу наук» (*Pufendorf S. von. Gesammelte Werke. Bd. 4: De jure naturae et gentium. Ed. cit. S. 175–176*).

²⁴ Вероятно, имеются в виду соратники Пуфендорфа по «науке естественного права», которые постарались четко отделить ее от моральной теологии, – прежде всего Гроций.

²⁵ То есть что и он несовершенен, поскольку humanum errare est.

²⁶ Речь идет о трактате «Рассуждение на “Право войны и мира” Гуго Гроция для светлейшего барона Бойнебургского» – *Boeclerus J.H. In Hugonis Grotii jus belli et pacis, ad illustrissimum baronem Voineburgium commentatio. Argentoratum (Strasbourg): Paulli, 1663*. Иоганн Генрих Беклер (1611–1672) – немецкий историк, бывший профессором в Страсбурге.

²⁷ На тот момент, помимо книги Беклера, вышло несколько юридических, политических и теологических работ, комментирующих «О праве войны и мира». Среди них трактаты Каспара Циглера (1666), Иоганна Адама Осияндра (1671), Генриха фон Хеннинга (1673). В один год со «Specimen Controversiarum» вышло вступление к трактату Гроция, написанное Валентином Фельтеймом (1677).

²⁸ Речь идет о воспитании (букв. «вскормлении») Томаса Гоббса как философа и ученого, значительное влияние на которое имело его знакомство с «Началами» Евклида в 1629 г.

с его натурой, или посколькy он усмотрел ее [действие] в делах государств, ставящих почти все в зависимость от самосохранения и пользы; или же (как я иногда подозревал) по примеру и из соперничества с любезнейшим *Петром Гассенди*. – Ведь после того, как [Гассенди] возобновил изучение доктрины эпикурейцев преимущественно в сфере физической науки, Гоббс решил вынести на суд образованного мира дошедшую до нас этическую часть того же самого [учения], облеченную в новую форму.

Если угодно, он пожелал показать всю силу своего таланта, взяв на себя защиту столь необычной и столь ненавидимой широкой публикой (*vulgo*) гипотезы. Близко к этому и то, что *Его Сиятельство Король Великобритании* сказал об этом Гоббсовом [качестве] *Самюэлю Сорберию*: что он использует этого мужа в роли медведя – чтобы дразнить и задирать стаю гончих²⁹. Как бы то ни было, совершенно ясно, что сам [Гоббс] был занят главным образом тем, что защищал королевскую власть от бунтовщиков, которые в то время под предлогом борьбы за свободу сильно измучили Англию, и одновременно отстаивал против фанатиков верховенство высшей гражданской власти над церковью (*jus circa sacra*)³⁰.

Однако то, что установлено как [принцип] в себе, должно быть убедительно доказано, и таким образом это верховенство (*jus*) ограничивается должными границами (*legitimis terminis*). Поскольку гипотеза принята *Гоббсом* в столь непроработанном виде, выстроенные над ней принципы не могут безусловно утверждаться, если не являются очевидными для здравого разума (*a sana ratione abeuntia*). – Ведь дельные [с точки зрения здравого разума принципы] не могут нанести никакого существенного ущерба делам человеческим. Не говоря уже о том, что *Гоббс* отошел в сторону от истинного смысла Священного Писания в ряде [положений] о христианской религии, постараться опровергнуть которые есть [задача] других [авторов].

И все же никто из сведущих в науке [естественного права] не станет отрицать, что среди многочисленных недостатков [учения *Гоббса*] также очень много неопценимых, исключительных достоинств. И само то, что ложно в его учении, дает возможность доводить до совершенства моральное и гражданское знание. Ведь если бы не Гоббсово [учение], то едва ли кто-то задумался бы о значительной части того, что составляет совершенство этого знания. Впрочем, *Гоббс* был враждебно встречен как своими соотечественниками, так и иностранцами, среди которых отнюдь не все признали славу гения, подобающую его заслугам.

В итоге, как мне кажется, из всех англичан наиболее аргументированно опроверг гипотезу [*Гоббса*] *Ричард Камберленд* в своей ученой и талантливой книге «*О законах природы*»³¹. Он представил также очень веские доводы

²⁹ Самюэль Сорбьер (1615–1670) – французский философ и врач, друг и переводчик Гоббса на французский язык. Приведенное Пуфендорфом мнение было высказано в беседе с английским королем Карлом II во время посещения Сорбьером Англии в 1663–1664 гг. См.: *Sorbière S. Relation d'un voyage en Angleterre, où sont touchées plusieurs choses, qui regardent l'état des sciences, et de la religion. Cologne: Chez Pierre Michel, 1666. P. 80–81.*

³⁰ *Jus circa sacra* (букв. «власть касательно священного») – проблема степени легитимности вмешательства гражданской власти в дела, касающиеся церкви и религиозных разногласий.

³¹ *Cumberland R. De Legibus Naturae: Disquisitio Philosophica, In qua Earum Forma, summa Capita, Ordo, Promulgatio, & Obligatio e rerum Natura investigantur; Quinetiam Elementa Philosophiae Hobbiana, Cum Moralis tum Civilis, considerantur & refutantur. Londini: Hooke, 1672.* – Философское исследование о законах природы, в котором исследуются их форма, высшие прин-

в пользу [другой] гипотезы, которая примыкает ближе всего к взглядам стоиков. И то, и другое я также изложил в своей [книге]. Признаюсь, я был весьма рад увидеть, что [две] эти, хотя и не похожие друг на друга книги, в разных странах мира вышли в один и тот же год³². – Однако [Камберленд] вместе со мной защищал одну и ту же [стоическую] гипотезу и опровергал в Гоббсовом [учении] по большей части то, что было отмечено мной. И потому ни одна из двух наших работ не хуже другой, хотя помимо общего они имеют также свои особенности. И не меньше свою ловкость показывает метатель, который одновременно с другим [метателем] поразил одну и ту же цель.

Что еще заметного и важного в науке [естественного права] было сделано за последние несколько лет, мне пока не удалось узнать – из-за военных маневров в том месте, где я пишу эти [строки] (несмотря на то, что маневры почти закончились)³³.

§ 7. В предисловии к моей работе³⁴ я достаточно объяснил, какие причины побудили меня к тому, чтобы также усердно заняться развитием естественного права. Как видно, к этому меня побудило прежде всего [желание], насколько это будет в моих силах, охватить и изложить в [строгом] порядке, без провалов и шероховатостей, все то, что относится к науке естественного права; затем отделить от этой науки все теологические контroversы и приспособить ее для понимания всем родом человеческим, в котором относительно религии существуют очень разные мнения. Мне представляется, что именно эту [работу] тщательно проделал *Ричард Камберленд*, несмотря на то, что сам он по роду занятий теолог³⁵.

Надо понимать, что эта наука не сможет засверкать естественной красотой и как бы расцвести в безмятежном радостном спокойствии, если не будет поднята над этими [теологическими] бурями. – Особенно [в ситуации], когда ученые мужи, из-за вопиющей несправедливости закона³⁶, сходятся в схватке с теми, кто привык прикрывать свою злобу или глупость авторитетом столь почитаемого слова. И не довольствуясь поиском истины, [эти люди] изо всех сил стараются уничтожить или очернить своих оппонентов, которых отчаялись превзойти доводами.

ципы, порядок, промульгация, их обязательность по [самой] природе вещей; а также рассматриваются и опровергаются начала как моральной, так и гражданской философии Гоббса. Современное издание на английском – *Cumberland R. A Treatise of the Laws of Nature / Translated, with Introduction and Appendix, by John Maxwell (1727) / Ed. and with a Foreword by Jon Parkin. Indianapolis, 2005.*

³² Пуфендорф имеет в виду свой magnum opus «О праве природы и народов» – *Pufendorfus S. De Jure Naturae Et Gentium Libri Octo. Londini Scanorum (Lund): Junghans, 1672.* Эта книга вышла в один год с книгой Камберленда.

³³ Во время написания “Specimen controversiarum” Пуфендорф жил в Лунде, на юго-западе Швеции. Этот город находился в эпицентре Датско-шведской войны 1675–1679 гг.

³⁴ См.: *Pufendorf S. Prefatio 1672 // Pufendorf S. von. Gesammelte Werke. Bd. 4: De jure naturae et gentium. S. 7–10.*

³⁵ Ричард Камберленд (1631–1718) исполнял в то время обязанности священника в Церкви всех Святых в Стамфорде (Линкольншир), а позже в 1691 г. получил сан епископа Питерборо.

³⁶ Возможно речь идет о некотором постановлении (или постановлениях) церковных властей, в частности епископа Лунда, которым воспользовались оппоненты Пуфендорфа для подкрепления своих обвинений и из-за которого книги Пуфендорфа были запрещены в Саксонии. См.: *Seidler M. Pufendorf’s Moral and Political Philosophy // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter 2015 Edition) / Ed. by Edward N. Zalta. URL: <http://plato.stanford.edu/archives/win2015/entries/pufendorf-moral/> (дата обращения: 12.07.2016).*

Тем тяжелее мне переносить несправедливость, выпавшую на мою долю: в то время как я со всем старанием пытаюсь поддерживать отношения с любезными мне теологами – то один, то другой из них с величайшей готовностью становится источником клеветнических обвинений, вызванных некоторыми разделами моей книги. И я не имею в виду *венских иезуитов*, которые, получив мою книгу, запретили ее открытую продажу в Вене; а когда с них спросили за это, не смогли привести никакого убедительного обоснования этого запрета. – [Нет, я говорю] о разумных и порядочных людях, у которых вместо самого энергичного одобрения мои сочинения вызывают зависть. А все дело в том, что ни одно из них не сочетается с основаниями (*cum rationibus*) царства тьмы, которое защищают [эти люди]. Но также и на бесстыдство некоторых из наших [людей] сетую, ведь им-то я достаточно ясно объяснил свои слова и взгляды и то, как я далек от тех представлений, которые мне не стесняются приписывать. Но поскольку они давно словно бы закрыли глаза и уши от моих возражений, то продолжают, как петухи, выкрикивать раз сочиненную клевету.

Поскольку я считал, что [мои объяснения] – это наилучший путь к окончательному разрешению спора (коль скоро среди моих противников есть те, кто так и раздувается от полной уверенности в [своей] мудрости), я вызвал лейпцигского теолога *господина Шерцера* на диспут в публичной переписке. Казалось, что именно он в наибольшей степени способен изложить все те [возражения], в силу которых моя книга не смогла завоевать одобрение этих атлантов божественной и человеческой мудрости³⁷. Также в надежде закончить столь бестолковый спор я приношу [*господину Шерцеру*] свои извинения, поскольку именно он добился от властей распоряжения, по которому глупость свою было запрещено [выставлять] на всеобщее обозрение³⁸. И тем не менее на частных лекциях для неискушенной учащейся молодежи мне не перестают докучать теми клеветническими обвинениями³⁹.

Итак, ясно, что я начинаю этот труд и заново разъясняю и опровергаю главнейшие из известных мне возражений против моей книги, чтобы защитить и свою правоту, и свою репутацию (*aestimatione*). – И потому я надеюсь, что справедливые и ученые критики явно пожелают дочитать [эту книгу] до конца. Если [все же] некоторые не прекратят кричать на меня, то только потому, что им кажется, будто, продолжая свои бессовестные и бесстыдные нападки, они не наносят мне обиды.

Мне же, завершив эту работу, следует в дальнейшем не обращать внимания на эти наветы и на тех, кто не желает узреть [истину], – недоброжелателей, погрязших в своей зависти. Ведь поскольку не в моей власти сделать так, чтобы они обрели здравомыслие (*bonam mentem*), мне незачем дальше терзать

³⁷ Иоганн Адам Шерцер (1628–1683) – влиятельный лютеранский теолог, известный своей систематической теологией, основанной на определениях, а также активной полемикой. Пуфендорф имеет в виду свое публичное письмо к Шерцеру «о кое-каком суровом мнении, высказанном о его [Пуфендорфа] книге». См.: *Pufendorfus S. Gesammelte Werke*. Bd. 5: *Eris Scandica*... Ed. cit. S. 57–68.

³⁸ По-видимому, Шерцер был одним из тех людей, связи с которыми позволили Пуфендорфу одержать победу над своим главным недоброжелателем – коллегой по лундскому университету Николаем Бекманом (1634–1689).

³⁹ Этот абзац присутствует только в оригинальном издании “*Specimen controversiarum*” 1678 г. Во всех изданиях “*Eris Scandica*”, начиная с первого (1686), на его месте стоит знак «*». См.: *Pufendorfus S. Eris Scandica*... Et. cit. P. 208.

себя, [пытаясь их образумить]. И даже, [если я продолжил бы эти попытки], то это был бы равно бесконечный и бесславный труд – чесать этих людей столько, сколько у них зудит.

Перевод с латинского А.А. Сочилина

Список литературы

Boeclerus J.H. In Hugonis Grotii jus belli et pacis, ad illustrissimum baronem Boineburgium commentatio. Argentoratum (Strasbourg): Paulli, 1663. 352 p.

Cumberland R. De Legibus Naturae: Disquisitio Philosophica, In qua Earum Forma, summa Capita, Ordo, Promulgatio, & Obligatio e rerum Natura investigantur; Quinetiam Elementa Philosophiae Hobbianaе, Cum Moralis tum Civilis, considerantur & refutantur. Londini: Hooke, 1672. 421 p.

Cumberland R. A Treatise of the Laws of Nature / Transl., introd., appendix, by J. Maxwell (1727) / Ed., foreword, by J. Parkin. Indianapolis: Liberty Fund, 2005. 1009 p.

Grotius H. De jure belli ac pacis libri tres, in quibus jus naturae et gentium: item juris publici praecipua explicantur. Parisiis: Nicolaus Buon, 1625. 868 p.

Pufendorf S. De Jure Naturae Et Gentium Libri Octo. Londini Scanorum (Lund): Junghans, 1672. 1227 p.

Pufendorf S. Eris Scandica, qua adversus libros de jure naturali et gentium objecta diluuntur. Francofurti ad Moenum: Knoch, 1686. 420 p.

Pufendorf S. von. Gesammelte Werke. Bd. 4: De jure naturae et gentium / Hrsg. von F. Böhling. B.: Akad. Verl., 1998. 928 S.

Pufendorf S. von. Gesammelte Werke. Bd. 5: Eris Scandica und andere polemische Schriften über das Naturrecht. B.: Akad.-Verl., 2002. xxi+489 S.

Seidler M. Pufendorf's Moral and Political Philosophy // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter 2015 Edition) / Ed. by Edward N. Zalta. URL: <http://plato.stanford.edu/archives/win2015/entries/pufendorf-moral/> (дата обращения: 12.07.2016).

Seldenus J. De jure naturali et gentium juxta disciplinam Ebraeorum. Londoni: Richardus Bichopius, 1640. 847 p.

Sorbière S. Relation d'un voyage en Angleterre, où sont touchées plusieurs choses, qui regardent l'estat des sciences, et de la religion. Cologne: Chez Pierre Michel, 1666. 192 p.

Novus Index librorum prohibitorum... Romae 4. Febr. 1627 auctus. Colonia Agrippina: Antonius Boetzerus, 1627. 64 p.

On the Origin and the Progress of the Science of Natural Law

Samuel von Pufendorf

(Translated from Latin into Russian by Andrey Sochilin)

The publication contains the translation of the first chapter of the treatise of the German jurist, philosopher and historian Samuel Pufendorf (1632–1694) “Sample of controversies on natural law, which were caused by himself [i.e. by Pufendorf]”. It was published in 1678. This text entitled “On the Origin and the Progress of the Science of Natural Law” is a part of so called “Eris Scandica” (“The Scandinavian Quarrel”) corpus, which was caused by the magnum opus of Pufendorf – “De jure naturae et gentium” (1672). “On the Origin and the Progress” is known as the first text among the so called “histories of morality” – the group of treatises dated from 17th to first half of 18th century, in which the evolution of the modern law theory was described. The model of the history of natural law, which was outlined in the “On the Origin

and the Progress”, in fact also served as the model for writing history of the entire European moral philosophy. Here Pufendorf is describing and analyzing prerequisites and sources of the Modern Natural Law, which can be found in Old and New Testament tradition, in Roman Jurisprudence and Ancient Greek Philosophy. He also reviewed briefly the works of Hugo Grotius, John Selden, Thomas Hobbes and Richard Cumberland. All the books and traditions are being considered in the scope of constructing “the system of natural law which is full and accommodated to the comprehension by all mankind”. The text is permeated with the idea of the progress in natural law theory, which is possible to achieve, with insisting on the necessity to keep away from religious and theological quarrels in developing the theory, and also with striving for the consistency, methodological clarity and the elaboration of the broad theoretical grounds of the natural law theory. This text has translated to Russian for the first time.

Keywords: “the Science of Natural Law”, natural law, jus naturale, history of moral philosophy, Grotius, Selden, Hobbes, Cumberland

References

Vergil. *Aeneid*, transl. by V. Bryusov and S. Solov'ev. Moscow – Leningrad: Academia, 1933. 379 pp. (In Russian)

Hobbes T. *Sochineniya*, 2 t. [Works, 2 vols], Vol. 2. Moscow.: Mysl' Publ., 1991. 731 pp. (In Russian)

Grotius G. *O prave vojny i mira* [On the Law of War and Peace], transl. by A. L. Sakketi. Moscow: Lodomir Publ., 1994. 868 pp. (In Russian)

Kratkaja evrejskaja jenciklopedija. [Shorter Jewish Encyclopedia], Vol. 6. Jerusalem: Keter, 1992. 940 coll. (In Russian)

Boeclerus, Jo. H. *In Hugonis Grotii Jus Belli et Pacis, Ad Illustrissimum Baronem Boineburgium Commentatio*. Argentoratum (Strasbourg): Paulli, 1663. 397 pp.

Cumberland, R. *De Legibus Naturae: Disquisitio Philosophica, In qua Earum Forma, Summa Capita, Ordo, Promulgatio, & Obligatio E Rerum Natura Investigantur; Quinetiam Elementa Philosophiae Hobbianaе, Cum Moralis Tum Civilis, Considerantur & Refutantur*. Londini: Hooke, 1672. 421 pp.

Cumberland, R. *A Treatise of the Laws of Nature*, trans., introduc., appen., by J. Maxwell (1727), ed., foreword by J. Parkin. Indianapolis: Liberty Fund, 2005. 1009 pp.

Grotius, H. *De Jure Belli Ac Pacis Libri Tres, in Quibus Jus Naturae et Gentium: Item Juris Publici Praecipua Explicantur*. Parisiis: Nicolaus Buon, 1625. 868 pp.

Pufendorfus, S. *De Jure Naturae Et Gentium Libri Octo*. Londini Scanorum (Lund): Junghans, 1672. 1227 pp.

Pufendorfus, S. *Eris Scandica, qua Adversus Libros de Jure Naturali et Gentium Objecta Dihuuntur*. Francofurti ad Moenum: Knoch, 1686. 420 pp.

Pufendorf, S. von. *Gesammelte Werke. Bd. 4. De jure naturae et gentium*, hrsg. von Frank Böhling. Berlin: Akad. Verl., 1998. 928 S.

Pufendorf, S. von. *Gesammelte Werke. Bd. 5: Eris Scandica und andere polemische Schriften über das Naturrecht*. Berlin: Akad.-Verl., 2002. xxi+489 S.

Seidler, M. “Pufendorf’s Moral and Political Philosophy”, in: *The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter 2015 Edition)*, ed. by Edward N. Zalta., n.d. [<http://plato.stanford.edu/archives/win2015/entries/pufendorf-moral/>, accessed on 12.07.16].

Seldenus, J. *De Jure Naturali et Gentium Juxta Disciplinam Ebraeorum*. Londoni: Richardus Bichopius, 1640. 874 pp.

Sorbrière, S. *Relation D'un Voyage En Angleterre, Où Sont Touchées Plusieurs Choses, Qui Regardent L'estat Des Sciences, et de La Religion*. Cologne: Chez Pierre Michel, 1666. 192 pp.

Novus Index Librorum prohibitorum... Romae 4. Febr. 1627 Auctus. Colonia Agrippina: Antonius Boetzerus, 1627. 64 pp.